

Ю. А. Клейнер, Д. Д. Пиотровский

Бондарко Н. А. **Немецкая духовная проза XIII–XV веков. Язык. Традиция. Текст.** СПб.: Наука, 2014. 674 с.

Актуальность и новизна проблемы бытования традиционного рукописного средневекового текста не нуждаются в обосновании. Несмотря на весьма продолжительную историю вопроса и разнообразие точек зрения на различные ее аспекты, у исследователя остается много возможностей внести свой вклад в ее решение. Эти возможности Н. А. Бондарко прекрасно использовал.

О широте и многообразии работы можно судить по Оглавлению, где перечисляются темы, затрагиваемые в книге: «Религиозно-просветительская деятельность францисканского ордена», «Основные этапы развития рукописной традиции», «Проблема аутентичности текста», «Латинский трактат» и «Малый немецкий корпус» Давида Аугсбургского, «Учение о молитве», с одной стороны, а с другой — «Синтаксические конструкции с деонтической семантикой», «Логико-синтаксические схемы с семантикой волеизъявления», «Варьирование стереотипных структур и стратегии членения текста», «Структура финитных и нефинитных конструкций», «Семантико-синтаксическая классификация глаголов и глагольных имен» и др.

Сегодня такие исследования принято называть «междисциплинарными». Это, несомненно, справедливо и в отношении рецензируемой монографии, однако в данном случае правильнее говорить о высокой филологической культуре в традиционном ее понимании, когда исследователь, занимающийся такого рода проблемой, должен быть специалистом по средневековой текстологии, палеографии, профессиональным историком-медиевистом и, конечно же, лингвистом, то есть обладать тем набором познаний, владение которыми столь блестяще демонстрирует автор.

Это проявляется, в частности, в анализе трактатов, в каждом случае представляющем собой практически издание текста: краткое содержание, обзор рукописной традиции, особенно памятника и т. д. Пример — анализ многочисленных индивидуальных чтений Зальцбургской рукописи (с. 111 сл.) с разбором мельчайших деталей ее создания (включая невнимательность писца), приводимый в обоснование вывода об отсутствии прямой зависимости текста от Мюнхенского списка.

То же мы видим в разделе, где обсуждается авторство анонимного «Трактата о Пальме», старшая редакция которого была создана на старофранцузском языке, затем получила распространение на латинском, а позднее на нижнегерманском (с. 154 сл.).

Чрезвычайно интересен очень тонкий анализ графико-фонетических и палеографических характеристик рукописи Bs₂ (компиляции на основе «Зеркала добродетели» и «Семь начальных правил добродетели»), в частности графической передачи ряда диалектных черт (с. 150–152). Сходный пример — анализ диалектных черт Мюнхенского манускрипта M₁ (с. 123–129).

Таковыми примерами монография изобилует. Но они составляют скорее фон центральной части исследования и основного комплекса проблем, группирующихся вокруг понятия традиции. Последняя определяется «как особый тип словесной культуры, в которой сам способ порождения текста предполагает подчиненное положение авторской индивидуальности по отношению ко всей совокупности коллективного поэтического опыта». Причем уточняется, что «этот опыт... должен восприниматься авторами не только как образец для подражания, но и как живая среда, вне которой невозможно полноценное бытование нового текста» (с. 293–294). В этом определении упор делается на бытование текста, или — что то же самое — *бытование традиции*.

Это положение напрямую связано с другим, не менее важным аспектом традиционной поэтики, — *стратегиями текстообразования*. Как отмечает Н. А. Бондарко, вопрос об этом ставился редко (с. 31–32). Причины он совершенно справедливо объясняет тем, что «в работах, посвященных изучению стиля, композиции или идейного содержания либо в текстах того или иного автора, либо в каком-то анонимном произведении (если только это не памятник фольклорного жанра — например, героического эпоса), внимание исследователя обычно почти неизбежно концентрируется на тех отличительных особенностях, которые характеризуют именно данного автора и данный текст» (Там же). Иначе говоря, упор делается на «индивидуальное» в ущерб «традиционному». В этой связи выделение в особую категорию фольклорного жанра не лишено оснований.

Из фольклорных жанров в качестве наиболее близкого к рассматриваемой традиции выбирается эпос в трактовке М. Пэрри и А. Б. Лорда. Как сказано в работе, «опыт исследований, связанных с так называемой устно-формульной теорией (oral-formulaic theory) М. Пэрри и А. Б. Лорда и многолетних дискуссий, позволяет предположить, что некоторые повторяющиеся языковые структуры в традиции немецкой духовной прозы можно рассматривать в качестве функциональных аналогов формул и формульных систем в устном эпосе» (с. 17–18).

Это весьма смелое заявление, поскольку оно предполагает отождествление, пусть частичное, двух традиций, которые обычно считаются несопоставимыми. В монографии такое сопоставление обосновывается весьма убедительно, но не как сопоставление устности и письменности (на чем и основывается различие двух традиций). Оно возможно в силу общей для них нестабильности, вследствие которой «большинство средневековых текстов... пребывает в постоянном движении, представляя собой в конечном итоге результат работы “коллективного автора”» (с. 38).

Ясно, что «коллективный автор» не понимается здесь романтически упрощенно (*das Volk dichtet*). Опираясь на идею В. Н. Топорова (и отчасти Н. О. Гучинской и М. Ю. Реутина) о «поэтической форме выражения», предопределяемой специфическими «концептуальными схемами (конструкциями)», Н. А. Бондарко выдвигает гипотезу, согласно которой «концептуальные схемы, облеченные в определенные лексико-синтаксические формальные структуры, характеризуют не только творчество отдельных выдающихся теологов и мастеров слова: попадая в некий общий фонд выразительных средств поэтического языка, они формируют основу той или иной литературно-богословской традиции и становятся основным инструментом порождения потенциально бесконечного множества текстов» (с. 13).

Точно так же *поэтический* или *традиционный язык* понимается в работе не метафорически: «...Традиционный язык можно определить как подсистему естественного языка, которая в известной степени обладает признаками, свойственными естественному языку. Это прежде всего “лексикон” — набор элементарных значимых единиц, имеющих в распоряжении традиции, и “грамматика” — образцы, которые предопределяют отбор и функционирование единиц “лексикона” в процессе создания традиционного текста» (с. 304).

Выбор элементарных единиц данного традиционного языка наталкивается на те же трудности, что и в случае языка устной традиции. Н. А. Бондарко справедливо замечает: «В настоящее время нет недостатка в определениях “формулы”, “функции”, “топоса”, “мотива”, “темы”, “макроструктуры” — как до сих пор нет и единой теории, в которой все эти понятия были бы непротиворечивым образом интегрированы в общую систему анализа средневековых текстов. Угроза методологического эклектизма, которой подвержена любая попытка подобного рода, очевидна» (с. 292).

Основное противоречие в связи с центральным понятием теории Пэрри-Лорда, *формулой*, проистекает от смешения ее с *клише* (подробнее см. [Клейнер]). Последнее представляет собой *фиксированный* отрезок текста, притом что какая бы то ни было фиксированность по определению чужда устной традиции.

Подобная опасность возникает и при использовании термина «стереотип», который в данной работе трактуется в качестве структурно-функциональной единицы лексикона.

Сознавая эту опасность, Н. А. Бондарко специально оговаривает: «...Повтор интересен не сам по себе: важна его роль в формировании структуры текста. Стереотипным может быть употребление той или иной формы времени или наклонения глаголов в определенном смысловом контексте, в котором именно такие глагольные формы несут функционально-стилистическую нагрузку. ...Одна и та же конструкция может использоваться в двух совершенно разных, с точки зрения происхождения и даже содержания, текстах. И наоборот, при редакционной обработке небольшое варьирование способно изменить структуру конструкции, которая в таком случае уже будет выделяться из ряда ей подобных» (с. 40).

Очевидно, что в такой трактовке стереотипия не имеет ничего общего с клишированностью. Это подтверждает и классификация стереотипных образований, основанная на их функции в традиционном тексте: а) функциональные (прагматические фразеологизмы, регулирующие взаимодействие текста с внетекстовыми компонентами коммуникативной ситуации и выполняющие коммуникативно-прагматическую функцию); б) продуктивные (логико-синтаксические схемы, формирующие и структурирующие текстовые блоки или даже целые тексты ограниченной длины, выполняя конституирующую функцию); в) грамматические (доминирующие в тексте глагольные формы и синтаксические конструкции, служащие показателями жанрообразующей и стилистической функций) (с. 384).

В связи с предложенной им функциональной классификацией стереотипных структур Н. А. Бондарко обращает внимание на ряд общих черт, связывающих стереотипы с некоторыми трактовками поэтической формулы, которые разрабатывались и оживленно обсуждались в 1960–1970-е годы в англоязычных исследованиях языка устной эпической традиции после импульса, данного монографией А. Б. Лорда [Lord, 1960]. В связи с этим автор упоминает П. Кипарского, который «предложил объединить подходы к изучению устойчивых речевых сочетаний во фразеологии с традицией изучения формул в устной традиции и древних эпических текстах» (с. 321). В заслугу Кипарскому ставится то, что он «одним из первых среди последователей, а также критиков устно-формульной теории, увидел различие между устойчивыми формулами (*fixed formulas*)» и свободными формулами (*flexible formulas*), которые в его трактовке соответствуют готовым единицам лексикона (используя генеративистские термины, он говорит о поверхностной структуре подобных выражений). Наиболее ценным в идее Кипарского было выведение формулы из области клишированной речи к абстрактному уровню поэтического языка, с которым не только эпический, но и прозаический текст «соотносится примерно таким же образом, как и любой образец речи (*parole*) соотносится с языком (*langue*)» (с. 322).

Как нам кажется, Н. А. Бондарко приписал П. Кипарскому, который не только не был последователем формульной теории, но и вообще, видимо, плохо ее понял, собственное понимание стереотипизации. В трактовке П. Кипарского она действительно может (и должна) рассматриваться как формульность, если под формулой понимать образец, предполагающий вариативное словесное наполнение. Такое понимание формулы ближе к естественнонаучному, а в филологии — к А. Н. Веселовскому (ср. «мотив — это формула» [Веселовский]), который в настоящей монографии упоминается только в связи с обсуждением термина *écriture*.

Едва ли не лучше всего идея стереотипизации представлена в блестяще проведенном лингвистическом анализе типовых семантико-синтаксических конструкций, выявившем значимость различных семантических, синтаксических и морфологических параметров для конституирования, иерархизации и разграничения финитных и нефинитных конструкций, предикатных структур, сочетаемости предикатных структур, перфектного пассивного причастия с прилагательным, актантных структур, агенса и пациенса, а также семантических ролей в латинских и средневенгерских конструкциях (Глава IV Части II). Не остается сомнений, что речь идет исключительно о моделях, лежащих в основе структуры традиционного текста, и его взаимоотношениях с другими текстами данной традиции и в целом с традицией, также представляющей собой модель.

В качестве модели порождения текста рассматривает традицию П. Зюмтор, которого Н. А. Бондарко цитирует, приходя к заключению: «...Любую традицию формируют тексты,

которые могут принадлежать к нескольким жанрам, но должны характеризоваться значительной степенью общности содержания и, самое главное, иметь общую среду и способы бытования (медиаальная реализация, коммуникативная ситуация, условия репродуцирования). Традиция также предполагает наличие определенных правил и образцов, по которым должен строиться каждый новый текст» (с. 294).

Н. А. Бондарко перечисляет факторы, которые формируют традицию немецкой духовно-назидательной и мистико-богословской литературы XIII–XV вв. (общность содержательной направленности, подчинение ею индивидуального авторского стиля, наличие определенного набора жанров), и убедительно показывает, что все эти факторы относятся именно к немецкой рукописной традиции указанного периода, представленной здесь в виде *синхронного среза*. Едва ли не самый важный в работе вывод: «Единство традиции проверяется именно возможностью ее синхронного анализа, и этому обстоятельству ни в коей мере не противоречат ни варьирование в рамках канонических образцов, ни частичные динамические преобразования в отдельных звеньях традиции, не ведущие к ее разрушению. В противном случае речь должна идти о двух разных традициях» (с. 297).

Понятие синхронного среза снимает вопрос об иерархии явлений, относящихся к плану выражения и плану содержания и соответственно направленности процедур анализа (от формы к функции или от функции к форме), что особенно важно для анализа структур с общей семантикой, предполагающих вариативную форму. В этом и проявляется специфика традиционного языка как знаковой системы, сочетающей постоянство плана содержания (на уровне «мотива», «сюжета», «темы») с вариативностью плана выражения, и соответственно специфика противопоставления «язык — речь» в рамках традиции. Это и продемонстрировал своим исследованием Н. А. Бондарко (заметим, в отличие от своих предшественников — упоминавшегося уже П. Кипарского и К. Ру, а также представителей школы «Новой филологии», применявших к средневековым текстам принципы, разработанные на ином материале Бартом и Фуко).

Использование обеих сосюрровских дихотомий применительно к поэтике традиции лишь один раз подтверждает, что отождествление ее с языком абсолютно оправданно. Следует подчеркнуть, что это относится к любому традиционному языку, в том числе и к языку устной эпической традиции. К сожалению, мы вынуждены воздержаться от обсуждения чрезвычайно интересных, но весьма пространных разделов, посвященных теории Пэрри-Лорда в целом и отдельным ее понятиям, прежде всего понятию формулы. Скажем только, что Н. А. Бондарко весьма убедительно продемонстрировал допустимость расширительного понимания традиции, из чего с очевидностью следует необходимость внести некоторые коррективы в устно-формульную теорию. (То же относится к проблеме авторства, перекликающейся с идеей «неосознанного авторства» М. И. Стеблин-Каменского.)

На практике это означает, что труды Н. А. Бондарко не смогут (и не захотят!) обойти вниманием эпосоведы и — шире — фольклористы, занимающиеся проблемами устной традиции и ее текстуализации.

Нельзя не отметить великолепный стиль автора, а также очень четко и логично структурированную композицию работы, отразившуюся среди прочего в последовательности поставленных задач — от общего к частному. Выстраивая изложение в виде цепочки связанных между собой рассуждений, автор одновременно предлагает и схему полемики с ним, как бы адресуя своих потенциальных оппонентов к конкретной проблеме, рассуждению или выводу, что особенно ценно, учитывая широкий круг вопросов, обсуждаемых в монографии.

Литература

Клейнер Ю. А. Язык эпической традиции в синхронии и диахронии // Поэтика традиции. Сб. науч. трудов / под ред. Я. В. Василькова и М. Л. Кисилиера; предисл. Ю. А. Клейнера. СПб.: Европейский дом, 2010. С. 18–44.

Lord A. B. *The Singer of Tales*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1960 (рус. перевод: Лорд А. Б. Сказитель. М.: Наука, 1994).
Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 494.

References

Kleiner Iu. A. [The language of epic tradition: synchrony and diachrony]. *Poetika traditsii. Sbornik nauchnykh trudov* [Poetics of tradition]. Eds Ia. V. Vasil'kov i M. L. Kisilier, predisl. Iu. A. Kleinera. St. Petersburg, Evropeiskii dom, 2010, pp. 18–44. (In Russian)
Lord A. B. *The Singer of Tales*. Cambridge (Mass.), Harvard University Press, 1960.
Veselovskii A. N. *Istoricheskaia poetika* [Historical poetics]. Leningrad, 1940, p. 494. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 21 сентября 2015 г.

Контактная информация

Клейнер Юрий Александрович — доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; yurikleiner@hotmail.com, y.kleyner@spbu.ru

Пиотровский Дмитрий Дмитриевич — кандидат филологических наук, доцент, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. академика И. П. Павлова; Российская Федерация, 197022, Санкт-Петербург, ул. Льва Толстого, 6–8; dimapiotrovsky@hotmail.com